

АЛЕКСАНДР КУРСКИЙ

№27 1997

МЕТОНИМИЯ ЛЮБВИ

Современная литература - двуглавый орел, сфинкс, двуликий Янус, помесь "ratio-" и "irra-": индивидуальное сознание, растворенное в кабале масок, архетипов, литературной традиции, животных инстинктов. "Что прошло, то будет мило?" или "Каждый миг неповторим, и каждый миг - смерть, смерть, смерть?" (Е.Попов) Жизнь - сбоще штампов с единственной лазейкой: Я, сам себя в бесконечном множестве зеркал отыскивающий, отягощенный этим монстром - муравейником мифов? Вопросы не праздные, учитывая долгожительство постмодернизма. На "излете" (Дм.Ал.Пригов) виднее, очевиднее крайности.

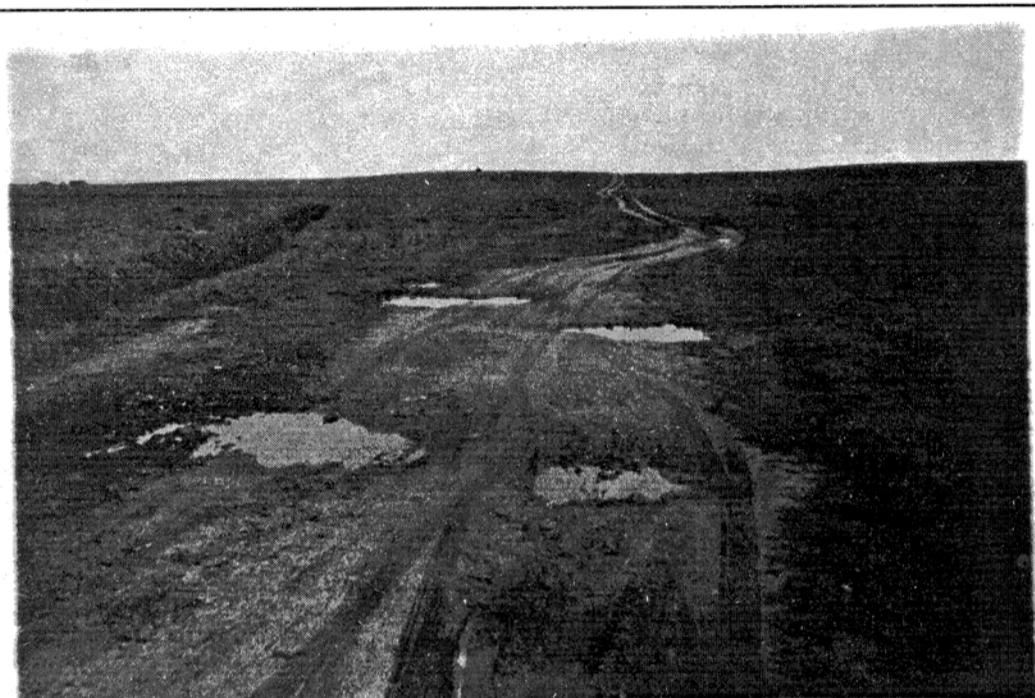
Поколение отцов-основателей постмодернистской прозы децентрировало идеи и жанры, сюжеты и стили - наиболее чувствительные отголоски реалистического и модернистского "авторского" сознания. Ключевые фигуры - В.Сорокин, Вик.Ерофеев, Е.Попов, В.Аксенов, В.Пьецух. Несущие знамена нового обречены на экстенсивность, всеохватность, рассеянность и безграничное множество. Их карнавально-экзентрические перевертыши все-таки оставляют впечатление внешней игры со словом, муссирования оболочки-смысла. Быть может, в этом причина всеобщей нелюбви к "несладостной" речи Виктора Ерофеева. Затяжные субъектно-объектные новации попадали в собственные капканы немоты: деконструкция лестницы похоронила не только ступени, но и как будто сам факт ходьбы. И приходится концептуальному прозаику Е.Попову, не забывающему про гуманность, вклинивать пафосные страницы (от 1-го лица) и в ткань разоблаченного им реалистического нерефлексивного языка И.Тургенева, и через парафраз баухинского "незавершенного настоящего" ("Накануне накануне").

Но есть (и были) иные тропки, иные пути выхода маркированного слова из (теперь уже очевидного) сомнительного многоголосия. Следующее поколение (имя ему не легион) разрыхляло полифоничное, всечувствительное слово внутрь. Модернистские боль одиночества и отчаяние от пустоты усилиями предшественников в конце 80-х трансформировались в данность как данность, не более того. Доминантой искусства стало любопытствующее соглядатайство величественных структур. Некогда опьянявшие эйфорией вербального юнгианства, лидеры прозы 70-80-х гг. сейчас пытаются судорожно, но в соответствии с сутью собственного творчества, преодолеть тупик.

Младшие братья постмодернисты почувствовали "слабости" новаторов-концептуалистов и перекинули мосты к эстетике авангарда и поставангарда. Быть или не быть слову, в слове, за пределами слова? Грандиозные языковые проекты футурристов и отчужденность пишущего от последнего пристанища (Бога-слова) у ОБЭРИУтов - благостная прививка. Не отталкивать и не присваивать мир онтологического ужаса, но принять бездну-бытие-текст трепыханием всех его бесконечно открывающихся метонимических (не метафорических) сущностей, колебание границ между ними без окончательного слияния. Синкетичность достижима лишь в проповеди, а это мы уже проходили.

Не разъять, но обнять слово, зайти к нему с тыла, оттуда, где открывается

быть по-семейному с Пушкиным, с Богом, с собакой Таней (Лариной и иногда в трусах). Можно писать хорошие, а через секунду плохие (эти же) стихи. И светлое имя Пушкин - это живой, всепроникающий Пушкин, огромный, сложный, простой, поэт, муж. Цветаева захватывала Сверчка, интерпретировала - МОИ. Нарбикова соприкасается, скользит, любит. Жизнь - любовь. Любовь не статуя: многосоставна, переливчата. Второе лицо - не зеркало первого, а первое - не отблеск второго. Имена конкретны и неуловимы: Додостоевский, Тоестылстой, Чящажыцын. Нет однозначности. Вопросы и многоточия. Как жизнь, которая "...и путешествие". Будущее не гарантировано ничем, тем более прошлым. Настоящее лишь неповторимо, ибо тут же умирает, становясь ни к чему не обязывающей историей - только памятью. Опоры шаткие. Надежды призрачны. Поездание текстом собственных хвостов. Остаются отпечатки в какой-то там бесконечности. Эти эфемерные следы и есть

и забытое место, и направлена вдоль этой дороги

4. 94 - 65. Игорь Савченко, 1994.

"новорожденная текучесть мира" (О.Дарк) В.Нарбиковой.

В мире моментальной эстетической завершенности слово Нарбиковой как бы о чем-то непрерывно нашептывает: исток - одна из причин, остальные неведомы, следствие - не слепок предыдущего, но вечный кризис зависимости от всего, что "до нас".

"ОПАСНЫЕ ЧУДАЧЕСТВА" ВИКТОРА ЕРОФЕЕВА

Ну, не очень он большой писатель. Это очевидно. Если бы наших оппонентов были какие-то веские аргументы. Но ведь нет их, этих аргументов. С.Костырко.

Виктора Ерофеева не любят. Это очевидно. В эпицентре современной литературы таких не пускают: слабоват, слишком злой перевертыш. Язык - Ядрены Фени, а претензии - на Говносоксу. Болтается по миру нечто среднее между "так себе" и "очень плохо" и вякает: добро бы только на тех (советских писателей), а то и на этих - лакеев-критиков, чьим хлебом сам и подъедается. Проза Вик.Ерофеева не частый гость в статьях критиков-философов, критиков глобального обзора литературы (Эпштейн, Вяч.Курицын). Для исследователей же "текстуальных" (Липовецкий, Дарк) Ерофеев заметная фигура в современной словесности. Называю имена яркие, так сказать "мастеров жанра", потому что Виктор Ерофеев тоже критик, причем талантливый, а, значит, противоречивый.

Блестящая эссеистика, на мой взгляд, даже интереснее постмодернистских наворотов Ерофеева-прозаика, сдергивающего с устоявшихся архетипов горькую правду о homosapiens-животном в дисгармоническом мире. Четкость мысли (ее прямолинейность в пределах одной статьи многих раздражает), почти "бартошкин" объем, скольжение по текстам и именам (а-ля Борхес) без нарочитой красноречивости и вычурности - вот главные достоинства "В лабиринте проклятых вопросов". Разумеется, то же самое вызывает у читателя противоположные импульсы. Статья "Русские цветы зла" некоторое время считалась чуть ли не манифестом отечественного постмодернизма. Я не могу согласиться с таким преувеличением. Позиция литературного адвоката предполагает запасные пути для отступной. Правды ради скажу, что Ерофеев и не претендует на роль лидера и теоретика новой русской литературы. Он по-возможности стягивает все к единой мысли, и его претензии к общечеловеческому заставляют в очередной раз увидеть противоречие постмодернизма: отсутствие ценностей, пристанищ и богов, веры в разум предполагают большое усиление в логическом осмысливании сложившейся культурной ситуации, ее благости и закономерности: "Она (литература - А.К.) уходит от общепризнанных ценностей к маргинальным, от канона к апокрифу, распадается на части... Любое чувство, не тронутое злом, ставится под сомнение".

Метаидея бесконечного зла красива и по-ерофеевски точна. Но есть два замечания: во-первых, сама возможность свести постмодернизм к центру, тот самый ПМ, который изначально призван развенчивать все мета-, выстрадан изнутри - из стана плодотворно производящих новейшие тексты; во-вторых, некоторые гении вписаны в ерофеевскую цепочку искусственно, с очевидной натяжкой. Отправной точкой литературы новой волны назван В.Шаламов. В

иуда, изогнутая сплошная кривая дурацкого сюрприза вдоль этой дороги

4. 94 - 29. Игорь Савченко, 1994.

ется не моношок (В.Гнедов), не целое, а бесконечно зияющие молчание и тишина. Такой мне представляется элегантно-хрупкая проза В.Нарбиковой - классика "тавтологического письма" (М.Липовецкий) и арьергарда (М.Эпштейн). Чем дальше в лес, тем меньше дров - диагноз критики. А между тем от "Пробега - про бега" и "Около эколо..." до "...и путешествия" - извилистый путь освоения неведомых зон многоговорения пустоты. Пустота - и жизнь, и мусор ("сор"), вбирающий в себя для маломальской читабельности сюжет-скелет, и слова ("это только шум", "Шепот шума"), и особая интимность одного - автора-языка (между которыми "любовь, мучение и страсть"). "Мой" мир и мир сущий одинаково зыбки. Все растворено во всем. Все ощущает себя, наблюдающим за собой. Все пересекает границы всего. И можно